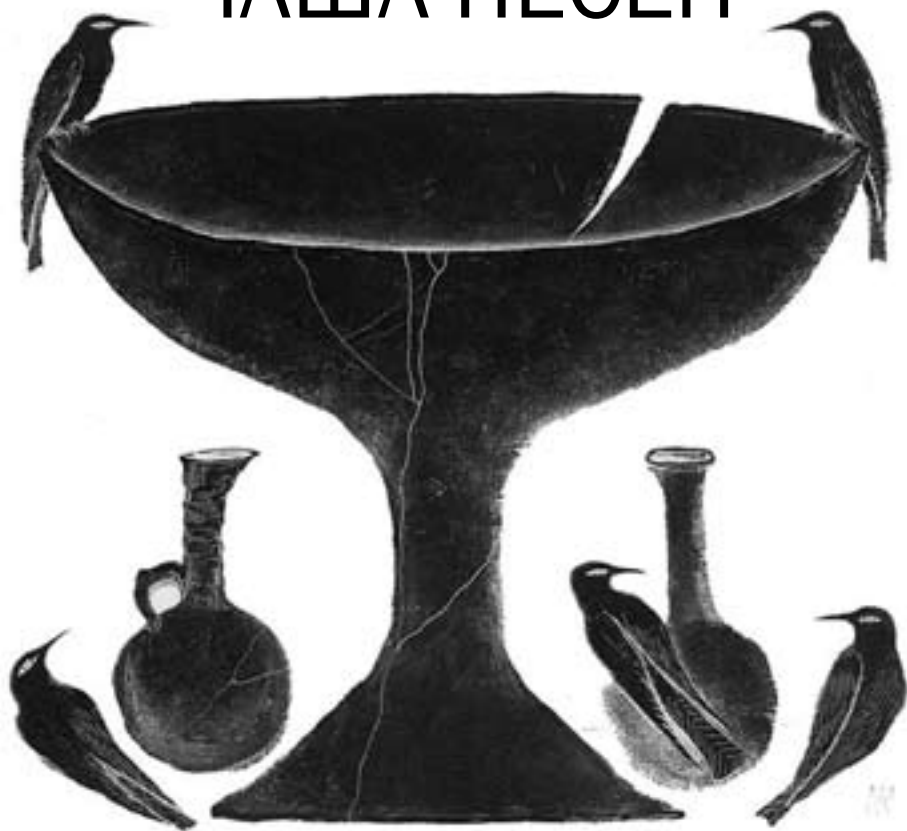

ЧАША ПЕСЕН

Ланьлань | Евгений
в переводе | Поспелов
Гу Хунчжэ

ДК 821.161.1-1Поспелов Е.
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
П62

**Издание для лиц
старше 12 лет**

*Книга издана благодаря почитателям
и при содействии БюроОдин*

*Перевод Ланьлань с китайского на русский
Гу Хунчжэ*

Редактор перевода Евгений Поспелов

Художник - Мария Владимирова

Чаша Песен — книга-чаша, вобравшая в себя поэтические образы и ритмы чувств двух писателей-современников: китайской поэтессы Ху Ланьлань в переводе Гу Хунчжэ и русского писателя Евгения Поспелова.

**Книга построена так, что на каждом развороте перед читателем сразу два автора:
Ланьлань занимает левую страницу разворота,
Поспелов занимает правую страницу разворота.**

Представители двух разных миров удивительно органично встретились, демонстрируя движение национальных культур к всеобщей мировой эстетике.

Чаша песен, Лань Лань и Евгений Поспелов. М.:БюроОдин, 2015.- 128с., 500 экз.

ISBN 978-5-91891-064-1

(С) Ху Ланьлань – тексты,

(С) Поспелов Евгений – тексты.

(С) Попов Евгений Павлович – дизайн макета.

О переводчице Гу Хунчжэ

Гу Хунчжэ родилась в ноябре 1971 года в провинции Ляонин Китая, закончила аспирантуру по специальности русского языка и литературы у себя в Китае, преподает русский язык в Ляонинском университете, десятый год является доцентом.

Гу Хунчжэ занимается лексикологией русского языка, и лексикографией в частности. Один год стажировалась в Алматинском университете им. Абая по специальности лексикологии русского языка, один год — в МГУ по специальности истории русской литературы XX-го века, занималась Л. Андреевым, И. Буниным и С. Есениным.

Она постоянно занимается переводом с русского и китайского языков. Ею переведены такие произведения, как трилогия Горького (“Детство”, “В людях”, “Мои университеты”), повесть Б. Сергуненкова «Осень и весна», сборники миниатюр “Мост через Океан” и “Ветер с Востока” Е.Поспелова, «Великий шелковый путь и пещерное искусство» (в 3 томах, с китайского на русский) и др.

1. Краткие строки

Настал поздний час.
Я заблудилась еще раньше.
Мне нравится это –
безумие, самое тихое.

Ты можешь любить меня со всем опытом пережитого,
но страшно, что будешь познавать меня по этому опыту.

Я буду твоей дорогой в мир:
каждый предмет оригинален и тем самым
становится в этом подобен другим.

Разглядывая ветер,
играющий страницами,
попробуй удержать
 миг неги — когда день влажен
 в кусте мускатной розы
и сладок горечью оранжевых пространств,
 над морем угасающих...

Что сердцу говорит рисунок неба в закатный час? —

не-мыслимое —
не облаченное в одежды мира....

2. Мои разные сущности

Я являюсь плодом моих цветов.
Я являюсь инеем и снегом после моей весны и лета.
Я являюсь всей красотой
дряхлой старухи и её былой молодости.

Я являюсь другими предметами.
Я являюсь прочитанными мной книгами
и стенами, на которые опиралась руками и расчёсками,
и грудью матери, и ротиком младенца,
и черной землёй
– прогнившими листьями после бури.

Ослик сердца
везёт на прогибе спины
вес-длину моего беспокойного тела —
трудолюбивый и безотказный... Над ним
машет ветками

В пышных цветах поцелуев
и щебечет радостно-грустно душа...

Позади, за певуньей, иду
я — погонщик,
накидкой едкое время взметая...

Светлой краской рассвета
над миром
возводятся своды...

3. Несколько песчинок

1

Люди не спросят у слёз. Они склонны к вещам,
которые приносят плоскости, на которых лежит булыжный хлеб,
покрытый чёрной тканью.

Уныние не принадлежит народу. Поэтому всё ещё остаётся ин-
тимный поцелуй, который прибавил миру красочности,
сочась кровью, когда покидал любимый цветок.

2

Газета: заложники. Оружие. Количество раненых и умерших.
Каждый народ занимает по полосе.

В осколках бомбы приютилась живая птица
и словно ударила в бессознательное поэта за окнами мирной
страны,

ударившаяся в его глаза темнота при освещении солнца.

□ □ □

Москва! полная нимф...
Как стебли лилий, извивчаты их тел походки —
в течениях улиц за ними блуждаю взором, не чувствуя почвы,
захлебываясь, брожу в поиске отклика,
зыбкого знака их глаз, утопая
в прекрасных ирисах — с жаждой их губ —
бреду по кафе и бульварам, всегда спотыкаясь на каждой
и улыбаясь, словно о чём-то прошу...

Я как будто ищу
свой цветок — ускользящий сон —
на залитой цветеньем долине,
но не знаю: каков он...

Нимф цветник этот город!
как много их здесь,
как легко мне повсюду встречать их прекрасные лица
и грезить в желаньях,

и как трудно здесь встретить Её...

3

Порою я не пойму мои пампушки,
мой рис и пыль на моих книжных полках.

Я опущусь на колени. Моё самодовольство будет согнуто.

4

Опадают листья. Собирают фасоль.
Просыпается земля за тракторными плугами.

Они пускают речные ветры на обновлённое поле.

5

Наши собственные ножные кандалы дают нам свободу
через страдания — под железным молотом времени.

6

Все камни, брошенные в других, падут на наши
собственные головы.

Жаждающий человек, мой стакан есть и твой.
Ты дал мне воду с источником ещё раньше.

Твой поцелуй

В губах незримый — он для меня!
расти! — шепчу — чуть шепелявым,
чуть яблоком
и в чем-то шерхебелем...—

Вылети спелым
из соты шершнем —
созрей же — ужаль —
я подставлю сердце...

Он же как будто
раздумывает напрасно:
быть ему
или остаться в створках
губ наливных?... о-мой!
что медлить?! —

здесь я-ладошка
для поцелуев-подсолнухов.
Глянь-ка,
и ты для меня!

7

Сито счастья не оставляет ни малейшей песчинки.
И не оставляет вздоха, звезды, кухонного дыма
и ссоры соседей, макулатуры, ни к чему непригодных раздумий.
За исключением вечеров и утр,
идуших один за другим.

8

О, судьба! Сколько драгоценностей я нашла в тобою подаренных петлях,
которые избавили меня от гибели!

□ □ □

Тот день! — ты ушла,
тишина закричала:
повторенья не будет!

Прошлогодний дым индустрии
не повторит рисунок на небе.
И небо не повторит угол падения дождя —
ибо всему
не дано повториться —

и я готов уже это принять —
лишь бы не видеть,
как вот уж несколько лет
повторяется
всё *Тот же день...*

4. Геккон

Он не верит никому.
И не хуже других.
Он отбрасывает часть тела,
когда наступает опасность.

Он не удивлён безболезненному
забыванию потери — в очередной раз вырастает
хвост человечества.

□ □ □

Меньше задумываешься —
спокойно.
И мучишься только желудком.
Главное нет окопов,
в которые нужно ложиться.
Нет смысла,
который нужно искать вне себя.
Нет элементарного адреналина
в склянке сердца...
Но самое главное,
что нет среди нас глупых —
я, например,
радуюсь понедельнику...

6. Сумерки

Сумерки, я слышу их тайные шорохи.
- Что здесь случилось?

Молодой рябиновый лес идет к вечеру.
Ветер проскользнул по ветвям и потянул за собой
длинную тень.

Из тёмной глубины леса
донеслось престарелое воздыхание
неизвестной травы.

Тихо прекратив шаг — я прислушиваюсь,
безмолвна земля под моими ногами.

Сочится ночь из трещин в комнату

Под лампой
в прозрачных бабочках тепла
веранда вечера

Выходит человек тропинкой в сад
и бегству рад из жизни
согретой комнаты

Ах — ночь — безнебие —
касясь трав губами
вселенная берёт тепло с земли...
так близко...
с веранды зовут зовут

но человека уже коснулись губы —
он дрожит
бесплотный
сияющий
несчастный —
и в мире больше нет
и не было
ему названья

7. В кабаке

Село прошлого года. Кабак прошлого года.
 Поздние цветы софоры.
 В глубине леса кличут серые горлицы
 о нахлынувшей печали.
 Прошлогоднее тело печали,
 как солончак, где волнится белая печаль,
 в кабаке.

Печаль одного тела.
 В тени дерева. Ярко светит солнце
 в этом году. В песке просыпаются цветы софоры.
 Они поднимаются по дереву, с ротиком бедного ребенка.
 Коровьи колокольчики. Эхо времени.
 Опять начали кликать серые горлицы —

Унылое место. Кабак.
 Покинутое место. Прошлый год.

Сбывается
 мерцание пророчеств —
 из детства весть,
 пропитанная Книгой
 и календулой...

оно моё! —
 минувшее.

В нём шевелится шершавый шершень,
 из сердца

вы
 ка
 р
 аб ки
 ва
 ю
 щ
 и
 й
 с
 . я

..
 ну вот
 и выполз...

8. В моём селе

Дни летят быстро, в моём селе
улетает одна птичья стая
и сразу прилетает другая.

Ветер рассказывает косынке:
приближается лето.

Скоро придёт лето. И в полдень
два перепела пролезли в травяные заросли,
гонясь друг за другом.
Взгляни, как на полях
майские стебли пшеницы выходят в трубку.
Если кто-нибудь остановится и посмотрит на всё это,
то это будет горячей любовью ко мне.

В моём селе
свечи отворяют окна для ночных песен,
И ты можешь прийти,
потому что слышится аромат шиповника из темноты,
потому что беспрерывно бегут
ручьи
целую ночь под луною.

Вот так лететь —
крылами бить, как в бубен
простора воздуха

мой дух —
лететь незыблемо
никак не уклоняясь
от вширь-лететь

и настигать в зеркалье неба вод
оранжевые раковины —
сшибать их
с моллюсков-тела-постепенности
и бить крылами
и чувствовать пронзительно светло
все острия лучей
и щебетать над щебнем
планет-осколков

и сердцем вспоминать где сад
и к зову
лететь незыблемо
никак не уклоняясь
от миг-лететь

9. Каштан на ветру

Встретиться с тобой, пока ещё жива.
Этого достаточно.

Каштан на ветру,
мой каштан холодного севера
был освещён серебряной луною.
Как мне хочется назвать сёла и токи,
которые я знаю.
И я знаю, что я буду плакать о спящих кукушках и жуках,
которые проживают лишь одно лето.
Каждый год я покидаю их.
И я вижу их во сне,
стоя на краешке лесной поляны.
Забыв всё это, я бы угасла
внезапно.

Как мне хочется говорить людям об одиночестве каштана.
Как мне хочется, чтобы люди узнали:
Хочу, чтобы ты меня вывел живой
из бездны времени.

□ □ □

Беспорно —
всё выключить
и в тишине
минуты расплетая на светлые волокна
вдвоём
склониться
и пить их — наполняясь
единой сущностью —
губами путешествуя туда
где есть мы

прикосновеньями угадывая чутко
всю протяженность нашу в глубину
и вздрагивая нежно
у края вечности

10. Разговор о жизни

Он, кажется, рассказывает о какой-то книге.
Он разговаривает о судьбах каких-то людей.

Я уставилась на его изношенную майку и погрузилась в мечты.
Я слышу шуршания листьев за окном.

Я слышу его лёгкий голос прошлого, позапрошлого года.
Я вижу за окном быстро меняющееся небо.

В кабинете незаметно стемнело.
И он долго-долго молчал.

Как тихо вокруг.
Доносятся шуршания листьев за окном.

□ □ □

Однажды
пройти весь удел, подрываясь на горечи
и не успевая
погибнуть,

облюбовать молчаливое утро
с птенцами и яблоками
и остаться
смотреть на воду,
пронзенную рыбами,
и торжествовать:
о женщина,
я постиг твою орхидею,

и осмелиться...

11. Камфарное дерево, или...

Камфарное дерево? Или это цедрела теряет листья?
Его лицо прояснилось после таяния белого инея.

О, мы только поднялись от детства, все в росе.
Воротники раскрыты под луной.

Это был первый день весны. Горы изгибали спины
и перевозили необходимое мгновение вечности.

Одно сердце осталось в его теле. Не спится во сне,
словно реки уносятся к небу летающими дикими утками.

Словно собачий лай пронёсся в тишине ночной деревни.
Невзгодами помыты звёзды по всему небу. ... «Мир прост».

Его самый красивый лик, бездонный водоворот.
Мои груди близко к огню. С бумагой и чернилами.

Я пишу стихи для одного поэта. И заталкиваю мир в его плечи.
Стала двигаться земля на его лодыжках.

Слегка шатаются сливы и фотинии на ветру.
Все ещё опираясь на его грудь головою, я иду дорожкой у берега

встретить утренний ветер целующимися губами.
Определить кое-что
неопределенное. Да, у меня вырвалось его имя...

▣▣▣

Ночь-вотчина
всему обратному,
в ней слышится ручей
в нас проникающий...

И всплески воздуха,
ссыпаясь на листву —
давно над спящими.

Текучестью луны я окружён
и полон
ветвей за окнами —

в них птицы спрятаны
рукою вечера,
и рядом — твоё плечо
открытое для губ
и серебром лежащее —
в шкатулке комнаты.

Вот мир необратимого!
в нас проникающий
прозрачным щупальцем

и уносящий нас
куда-то за полночь...

12. В вечности есть...

В вечности есть дожди. Есть ветерки;
В вечности есть беспомощное горе и недоуменное
оцепенение на закате солнца.

Есть цветы, падающие с яблони одни за другим на
могилу умершего,

Есть песни, есть печаль фонарей тысяч домов,
Есть два колоса, одно облако.

Вложить их в твою лазурь.

Шелесты вечности

Неужели я сплю?! —
сплю в сумрак,
поросший навек асфоделем.
И сон так глубок,
что я слышу Сиригу-свирель
и спешу к ней тропой,
обрывая лицом паутину —
тюль Пана...

О, мелодия всех одиночеств —
дивный тростник!
неужели и мне остается
лишь шелест его
взамен поцелуя...

13. Ветер

Ветер сдувает кое-какие вещи из его тела..

Деревянный мост. Ночь для шахтёрской лампы,
росы на листьях топяной звездчатки.

Рука, лицо и лес пестиков-тычинок одуванчика
в глазной орбите.

Он сдувает каньон в его теле.

Один пустой дом. И молчаливый голос, остающийся
много лет на стене.

Ветер унес его внутренние органы, горизонт родных.

Ветер вынимал из него всё постепенно.

Он превратился в груды песка, порошка.

Ветер заставил его жить вечно —

□ □ □

Эфедра в её крови!

Её поцелуй
проходит в сердце как жало,
прокалывая до потаённого. —

Полынь поцелуя
(абсент одиночек)...

Я не хочу знать её —

в её распахнутом теле есть упоенье
остаться чужим
для себя.
Кем угодно...

И когда она схлынет — разгладить простыни,
не помня её примет.

И кровь, омывая мозг,
унесёт из него остатки истерзанной плоти...

Так начинает цвести
всем моим существом
пустырьник...

14. Шахтер

Всё чрезмерно блестящее – производная темноты.

Твоя улыбка чиста и сдержана у входа шахты.
Ты вежлив, уклоняясь от принесённого мною из города холода.

Всё в угольной крошке: ногти, пыль на лбу,
твоя чернота ослабила черный мрак;

В остальном, ты по-настоящему излучаешь свет
в непрерывно поднимающейся и спускающейся клети лифта
к сырому туннелю работы.

С шумом натягивается стальной канат. Я предугадываю,
что грунтовой водой твоё ползающее тело протекает
в тёмное русло реки...

Мне грустно сейчас от того, что никогда не замечалась тобой,
не касалась зеленого огня пшеничного колоса,

и я не могу установить каменную гору на тяжёлый кончик ручки
в развалинах слов
и среди страниц угасших шахтных ламп.

□ □ □

Мы редко видимся, мама.
Но память настолько верна,
что ты без помех возникаешь на улице,
тихо со мной говоришь. — И я вижу
как слабо киваешь, садишься в вагон,
и я закрываю глаза...
но кто-то перебивает:
мужчина, Вам плохо?

Взгляни,
в моих праздниках стало больше морщин,
в моих лицах — чужого.

Где он? —
ты знаешь, где спрятался твой звонкотелый
и радостный мальчик?...

И снова ты возникаешь,
и мы говорим,
и кто-то участливо перебивает:
Вам плохо?...

15. Деревня спида

Ветер дует в тростники возле деревни, и они свистят.
Переходя через земляные холмы, ветер дует в крылья воробьев,
и они свистят.

Обойдя пустые коровники и свинарники,
ветер закружил и поднял лёгкий дым на току.

Сморщенная туфелька, висящая под крышей,
одинокое качается на ветру.

От стен чьего-то дома, где выросли дикие травы,
принесся аромат хуай-хуа...

В такой деревне нет четырех времен года, нет дней и ночей,
нет и других звуков. Есть только возбужденность ветра,
который дует на разорванные траурные хоругви на могилах.

И те свистят...

□ □ □

Разлуки колкий холод. —
Охваченное инеем,
дитя-в-груди.

Листая слепо книгу,
пальцы остаются
иссиня-птичьими...

В петле утраты
ты жалок.

Обмылок грусти
и пустота вещей
тебе оставлены.

Но подавая чай
и вдруг-окинув всё, чем сам владею,
я чувствую,
что одинок как ты...

16. Образование

Ах, отметки! Домашние задания!
Дети кружатся вслед за ослами на мельнице.

А я, с закрытыми глазами, сердито
махаю кнутом:

- поймите, на этой земле
дети в бесчисленных семьях
таким же образом выгоняются
и толпами идут в большие двери сумасшедшего дома,

а в далеком уголке нищеты
мать ребёнка, у которого нет сумки, плачет
и завидует этой страшной судьбе!

□ □ □

Где вы, друзья,
безудержные и одержимые...
Смялись в скороговорку —
в натужную пару
обшарпанных слов —
вместо эпоса о Невероятном...

Площадь опустела.
Букеты — уже не цветы.
И только сквозняк
стучит о булыжник
скорлупками незрелых
пустых обещаний.

Площадь пуста,
и в окнах гаснет любопытство.
Под быстрыми пальцами трещин
звучит забвенье...

Да и, в сущности,
что было обещано? —
Уже никто не помнит.

17. Китайский гребеник

Он говорит со мною о реках. О бурлящем источнике под землей.

А гравий и мелкие камешки похоронили его в молчание.
Оттуда его нежный череп расцвел влажным розовым цветком.

Дни висают в один
разбитый рояль
с запавшей клавишей...—

так я живу.
Жду тебя, радостный друг-пересмешник:
дева-свирель...
С нетерпением смотрю в окно,
где невольники пьяниц
и плачущих баб —
дети —
возятся в лужах.

Вымокший ветер слизывает с них тепло.

И мне хочется
собрать всех в ладонь
и согреть одним
человеческим дыханьем...

18. Крушиновидная облепиха

Ветер стрижёт серо-зеленые листья.
Солнце отдает ей самый яркий цвет.
Слава белого дня.

Она не властвует. И не завидует.
Она выглядит так, что ей самой не надо мечтать.
Она является терпко-сладким плодом,
выжатым из горя земли.

□ □ □

Это тревожно —
сердце сбилось со счета
ноги валят меня друг на друга
 слюна неугомонна
и руки
 Руки!
где только я не встречаю
их цепкие фаланги
словно они разбросаны по всей вселенной
и глаза —
два аквариума
в которых живет только то что я вижу
Но вижу я только то что живет в них
 не видя всего остального
Это тревожно —
Особенно что-то вспомнить
или забыть
или открыть рот
 не для того
 чтобы из него выйти...

19. Верблюжья колючка

Пустыня создает свинцово-серый цвет истины,
чтобы быть пронзённой её малейшей смелостью.

Вернуться в молчаливое воспитание. Она обладает
тихой покорностью к своей несправедливой судьбе
в бесконечно тянущейся засухе на сильном ветру,

как будто в безупречном счастье.

Сердце —
яблоко в первый мороз.
Заиндевелый расходящийся
лабиринт осени —
моё самочувствие у окна.

Если обернуться в комнату —
захочется занемочь,
уйти в проемы света —
там
гармония пробуждения
и сна,
вспышек и водоворота,
ключа и тайны...

20. Боярышник

Самое красивое – это цветы. Розовые.
Но если бы не было низко склонённых охапок листьев.

Он скрывается в глубине тёмной и прохладной тени.
Долина в сумерках.

Если бы не было ветвей, с их светло-коричневой кожей,
жаждущих крепко схватиться за землю;

если бы не было ветра, увлеченного магнитом лунного света
в зелёном волнении его юношеского возраста;

если бы не было человека, подошедшего к дереву
и внезапно остановившегося —
их горячие вместе губы!

(Попутчик)

Ночь отступает...
око́нные агаты
разбужено горят из глубины.
На улицы, досматривая нас,
выходят сны
протаптывать
привычные дорожки.

В трамваях мелькают девушки,
но, чуть проехав, на остановках сходят
одни старухи —
они бормочут
наедине с отсутствующими...

А ты смущен, что до сих пор
не разглядел всех облачных развалин —
всех падающих атмосферных
столбов и плит над городом.
Ты тоже — время, выросшее на тёплый голосок
молитвы —

ненужный завиток,
усердно спрятанный
под складки воздуха,
случайный для всех попутчик,
без умысла
здесь-заблудившийся...

21. Роза

Она — парадное платье. И останется им же,
покинув ботаническую или стилистическую
сцену.

Чрезмерно белая обложка возле тряпки для посуды.

Даже если нет других цветов, она всё же
останется королевой.

Каждый цветок является королевой.

Каждый венчан изменностью.

Сегодня воздух —
победоносная
охра октябрьской короны,
отважная прель лесопарка,
скользящая к внутренней ноте.
По глубже вобрать этот привкус —
и нота лопнет как почка,
и вспыхнет клейкая грусть...

На каждом проходе раскрылся
этот листок. Настроение —
в ссадинах,
словно продели
его сквозь отточенный иней.

Поэтому воздух сегодня —
осенний закон тяготения,
вороньи прологи пейзажей,
ветер в венах, желудок
полный дождя, унисон
распада и сна, онемевший
рот жарословного солнца...

Вдыхая октябрь до корней,
душа безмятежно вступает
с охапкой взъерошенных чувств
под руку внезапного времени...

22. Корешок травы

Есть одна прелесть, о постижении которой не следует
во всеуслышание говорить.

Однажды, когда я смотрела на корень чертополоха,
я чувствовала, что в беспорядочной хрупкости стеблей
существуют все возможности для созидания
райского сада.

Листовая почка,
Почему не упомянуть тебя?

— я тобой восхищаюсь. Давай тобой восхищаться,
как божеством.
Твой приход грохочет самой нежной силой.
И после этого тает твёрдый лед.

Чудо в этом можно и так объяснить, что во всех
без исключения предметах
затаена бесконечная вселенная.

Весной 2003 года

□ □ □

Смотрю на часы
и не верю —

при виде идущего юноши
в розах прыщей
к возмужанию
несущего небо в налипших улитках
созвездий —

Растратчики смысла:
что наша жизнь —
только радостный повод для сделки
только дящийся выдох
на все безупречные стороны тьмы

смотрю на часы
и не верю

23. Сопротивление

Цветет японская жимолость, растет сорная трава,
Ветер подует, земля поднимется горами.

... ..

Отчаянная борьба во всём этом!

Поэт, Вселенная научила меня понимать это так:
когда люди заговорили — это было о железных прутьях
и цепях —

□□□

Дева-левзея,
мне нравится наш привкус запретного.

Все любовники — дети,
ворующие яблоки в чужом саду.—

Пронизанный нежностью,
я вспоминаю мир
как после смерти —
подробней и родственней.
Чуткость к малому захлестывает —

как много в нас тонко-живого,
и что-то теряется в жизни,
что-то гаснет,
когда забываем простые названия
обычных трав...

24. Рождество

Целый год ждали дети. В комнате светят цветные лампочки
и шевелится огонь в печке. Сейчас придет Дед-мороз на санях.

Навстречу северному ветру, я иду купить свечи...
Счастливый луч — свеча осветила моё лицо раньше времени.

А он съежился у цементной трубы и дрожит,
трясаясь, он протянул руку – придет Дед-мороз.

Несколько монет блестят в грязной пиале.
Разорванная вата. Собака лежит рядом.

Нет саней. Нет и Деда-мороза. – Господь,
и в такую тёплую ночь ты не хочешь мне подать!

Накануне Рождества 2002 года

Носороги

Дети,
выросшие в носорогов —
как близоруко
ступают они по земле,
выбирая доступное,
теряясь в междометиях
желез.

И я замечаю,
как разворачивается
на меня мордой —
это массивное царство —
как хочет оно, добрейшее,
расчистить себе дорогу,
невинно топча и тараня...

и я готов бежать ему навстречу...

но чувствую,
что не успею! понять чуда
воскрешения меня
из носорогов...

25. Последний день

Декабрь. Последний день.
На улице со мной бок о бок идет Шатание.
Одинокие столбы, наши сестры,
голые деревья и пропавшее из виду время.
Вот декабрь в Чжэнчжоу.
Последний день в году.

Столько зданий качаются на ветру,
столько прохожих спешат к себе домой.
На улице со мной бок о бок идет Шатание.
Гонимая нищета, бездомные собаки,
Вопит ветер, как рана в горле.

На окне наклеены вырезанные из бумаги
новогодние рисунки.
Перед магазином длинная очередь пенсионеров.
Работающие в городе мужики прорываются на вокзал с
отчаянием в груди.

Низкие падубы на краях дороги
все в пыли –

Эти одинокие безотрадные лица!

Солнце целует их. А я зарылась с головою в эти поцелуи
и заплакала беззвучно.

□□□

Былое. —
Белье на ветру белоснежное, в небе — рука...
Боже, кто это? (вспомни... помедли...)

В небе ангелы тают,
и женщины тихо
шепотью
снимают с лица их холодные капли. Вверх
кто-то машет рукой,
обметая с сердца налипшее время.—

Воздух скрипит,
перемёрзшие птицы графичны,
как прорези
в маске минувшего праздника.
Время размыто... и кто эти люди,
что всюду меня узнают?!

Из-за облака манит Рука... —
Я бегу, спотыкаясь,,,
не в силах догнать этот знак —

которым зовет меня
с улицы
мама...

26. Полнота

Посторониться, чтобы дать утру зайти.

Всё своё небытие отодвинуть,
чтобы дать миру зайти.

Как человека пишущего, прости меня
за то, что я выгнала из-под кожи так много злых мыслей,
чтобы высвободиться от пустой шелухи
и дать душе одного человека зайти.

Сон жёлтого моря

Гейша-мечта! это она
танцующим телом
замирает иероглифом-цаплей
смежая крылья
твоими ресницами

и ты теряешь значимость
мерки-ходули
рогожи реалий

и становишься снова похож на себя —
гуашью
на пергаменте времени

человек-иероглиф

27. *Непригодные предметы*

Я люблю вас, голые ветки в зимние дни,
сухие травы под снежным покровом, озеро
с тонким льдом, на холодно-прозрачной воде
плавает одинокая утка.

Я люблю непригодные предметы на вас.

Громко воя, ветер отступает перед вашей
молчащей покорностью. — Неловкость. Ожидание.
Пережить долгую холодную зиму в одиночестве.

Густая летняя тень и река описывают
возможное счастье хмурой жизни:

голые ветки, сухие травы под снежным покровом,
озеро с тонким льдом,
одинокая утка,
беспорядочные от холодного ветра перья...

Снова лето
в сигнальных башнях цветов —
маяки тюльпанов, разметка ромашек —
чтобы не промахнулось тепло.

Юг — по тропинке,
левее летящих ветвей винограда,
где в тонких клювах ветров уносятся бережно пчёлы —

там в поющей траве
с призмой зелёных глаз
спит звонкотелый мальчик,
будто смотрит на тайны...

Я вспоминаю
ищу
подбираю
вымучиваю слова,
с которыми надо б уснуть,
чтобы вместо меня
он вновь пробудился...

28. Гвоздь

1
Я хочу идти вслед за тобой, чтобы с тобой разделить могилу.
Дикie травы там призывают четыре времени года,
там из сострадания укроют меня листопадом.

2
Так тихо, собравшиеся со всего небо молнии.
Тихие горноколосники знают —
громоотвод на моей деревянной крыше.

3.
Прошел человек с жасминовидной гарденийей на голове.
Человек исчез, а гарденийи горят над чашкой одна за другой.

4.
Жизнь, сколько раз я её загоняю в одну точку!

5.
Из штанины пожилого мужика поднялся дым от готовки пищи.
Пришел ветерок, и самая высокая пагода обрушена им до плоскости.

6.
Кремень. Кремень. Это непрерывно дымящее в темноте слово.

Мечты

Лирический эпос скитаний:
оранжереи стеклянных кашпо-кафе,
любовный коктейль из сердец,
рукопожатие, удержавшее от измены,
всполохи слов в ночных телефонах,
мечты... —
как летящие блики из сердца,
проткнувшие тусклый плафон обыденности.

Мечты! — как летние сны среди книг
под тихое нашествие московского снега.
Я любил там — не прикоснувшись ни разу —
чьё-то лицо в отражениях времени...

Но очнувшись среди площадей,
окутанных облаками, ароматами булочных, ожиданием —
я знал, что каждый из нас — кружение воздуха
вокруг луча,
что спирально ввинчивается
в небо,
унося нас
над нашими головами...

12.
Пусть будешь жив, всегда будешь жив.

– пожелание человека своему недругу.

13.
Иногда из бездны меня спасает
отдаленный крик или одинокий уходящий силуэт,
сбрасывая верёвку.

Я узнаю то лицо, которое я ударяла безжалостно.

14.
Глубокая ночь. Горсть тонких цветков, шурша, лезет по дереву,
по черным ветвям, в то время как люди падают в горестные
сны.

15.
Моя преданность пустила корень в землю, которая тебе изменяет.
Какая черствость!

Я люблю тебя, ты знаешь.

Ты меня родил.

16.
Моя полная ненужность:
ее кирпичами и черепицами создается море, и над ним весело
поднимается парус моего домика.

Не трать свою жизнь на уныние.
Позволь в себе вырасти Солнцу,
озарившему мир Красотой —
все формы сотканы из неё, разве что черви —
обрывки ниток с её полотен...

Для тебя моё сердце — примерочная кабинка
в супермаркете чувств,
но как ты в ней хороша!
примеряя мою невесомую нежность...

29. Работа поэта

Целую ночь пламенно горит огонь
в кузнице.

Тень, широко размахивая руками,
вершок за вершком вбивает человека
в молчание наковальни.

Январь 2006 года

Воскресенье

Памяти Г. Маркеса

Стук капель в окно — так промокшее утро
приходит себя скоротать
в эту кофейню,
где всегда застреваешь
в рукавах разговора
или молчишь за отсутствующих...

где в кофейном зерне
уже с утра столько вечерней прозы,
что, слушая дымчатый ветер
смеющейся женщины,
забываешь о себе
навсегда...

30. Дар: прочла одно стихотворение

Чтобы остаться в живых! ...

Мною построен ад. И он ещё громоздится дальше.
Широко раскрытые окна и зубы каждого его дня
заглатывают меня.

Когда я спрятала катастрофу в глубине
моей нравственности? Я это знаю.

Суд. Это моё тайное счастье:
– ты никогда не будешь поздним.

□ □ □

Чувство ушло
и только горечь осталась

и надо бы смыть её с горла —

как бутыль опрокинуть улицу
и влить в себя всё её безразличие!

задохнуться зябким теплом незнакомцев
чтобы убедиться: как проще
вжиматься в чужую душу

и пусть потом пронзающе-холодно
в колодце утра
куда ты опрокинул себя
в поисках забытья

может быть так и надо —
опрокидываться забываясь
не ощущая горечи
и не чувствуя боли
совсем
со всеми

31. Болею

– к ребенку

Иди сюда, дитя, – ко мне.
Протяни свою ручку и возьми мои холодные пальцы.

Ты перестал играть на улице. Ты молчишь,
кладешь конфеты в мой горький рот
и покрываешь мои отчаянные глаза ласкою.

"Ты мой отец, моя мать."
Дитя, поэт не ошибся этими словами.
Сейчас моя голова обессилено прислонена
к твоей маленькой груди.

Ты, склонившись, приложил губы плотно к моей
печальной и растрепанной челке.

О, ребенок мой,
этим мигом я вдруг узнала
в твоих глазах
то сияние, которое поднимало Иисуса Христа –

Декабрь 2005 года

(зарисовка)

На улице взвизгивал медью
детский оркестрик.

В нём мерно и гулко стучал большой барабан –
словно в воздухе билось облако-сердце –

тонкий мальчик безропотно нёс его вдаль ...

он взмок и устал
через город полмира нести
на плече...

33. К Песоуа

Я прочла твоё стихотворение.
Неудачно написанное стихотворение о любви.
Написать стихотворение неудачно:
это так глупо. Запинаясь.

Это, кажется, исключительный стандарт шедевра:
чувствительный, застенчивый.
Твоя любовь больше слов.

Растерянный мастер неудачно написал стихотворение.
Человек любящий
забыл грамматику и стилистику.

Это, кажется, ещё один стандарт выдающегося поэта.

□□□

Сегодня — 1043 BWN*
на календаре.
Можно молчать и молчать,
ведь всё не так, как хотелось бы —

заперто что-то слепое взывающее,
и ключ в руке...

Даже странно —
откуда
в лазурной
мякоти лета
столько тепла:

зной наполняет цветы, как античные чаши...—

Какое сочное лето!
с бабочкой на занавеске
случайное тонкое
прикосновение к жизни
взывающее
моё...

*1043 BWN — произведение I. S. BACH — для оркестра и скрипки с гобоем.

34. Аваргуль

Роса на струне домбры. Молния в цветке.

Юрта медленно поднимается со дна песни.
Что за дым окутывает холмы памяти?

Серый кролик прыгает в глубине пустынной глухоты.
Звезды падают в лужи, растоптанные лошадиными копытами.

Аваргуль! Весь Тянь-Шань выгладит красиво только по тому,
что в работе над верной любовью к тебе
один мужчина построил безграничное пастбище,
которое названо жизнью...

Дом у обочины

Кто жил здесь,
чьи тени встревожены?

Я чувствую прикосновения слепых
паутинок.

Двери ушли, гремя,
так давно,
что стены помнят себя
холстами для непогоды...

Но когда я умру,
где отыщется средство
об этом не думать —
чтобы лежать валуном
и смотреть,
как рыбы ловят,
заглатывая, отражения птиц.

36. Живопись

Мои дочери:
зелёная трава и золотая пшеница.

Моя голова, медленно поседевшая,
тонет под дрейфующими облаками.

Повеял голубой ветер из долины времени...

□ □ □

Без устали
сердце бьёт в грудь будто в бубен —
играет? прядёт ли? —

на слух в этой музыке только две ноты
как будто вмонтирован в нас
часовой механизм

но из этих двух нот
сотканы все партитуры
все повести чувств

37. Стихи

1.
Я хочу умереть ради любви, а любовь заставляет меня долго жить.

2.
Дай мне угрызения совести. Дай мне боль.
Дай мне любовное дрожание лилии в рассвете.
Дай мне долгое отчаяние и сумерки,
которые упадут на стол в тишине.

3.
Я не знаю, кто кого полюбил раньше:
земляной канн, северная Большая Медведица за окном,
каменная скамейка с росами летней ночью,
и твои улыбающиеся глаза —
они только что проплакали.

4.
Но поверь, благодаря тебе я полюбил незнакомцев,
ремонтующих велосипеды. Выращивающих овощи.

5.
Я обнимаю твои холодные ноги, когда они
проходят дорогу моего тела.

6.
Земля заснула. Ты стала моим тяжким дыханием.

Город не будет разрушен, хранимый в твоих плечах.
Боже мой, разреши мне выключить свет!

Если любовь на убыль
до горстки грусти,

если любовь стала хрупкой,
как высохший ландыш между страниц —
зачем щадить?! связь-призрак,
чувство-огарок, тленье...

Окурок вминают в пепельницу
или, сбросив с губы на землю,
растирают ботинком.

Огарок должен быть сброшен,
как испорченный файл
стёрт с диска —
файл-Карфаген, файл-Троя —

нам не остается ничего иного,
когда почти ничего не осталось.

7.
В простынях вихря лечь в долине,
рѣв бури проходит сквозь городские здания.
Потрясение рельсов, когда мимо промчится ночной поезд.
Пол-луны падает на впадину между моими грудями.
Твоя голова, красивая и усталая, опустилась на них.
8.
Огонь на твоих губах.
Лампа, тихая и горящая в нижней части твоего живота.
9.
Я крепко обнимаю истину и, не сдержавшись, весело кричу:
– Богом разрешено понимание счастья.
10.
Только слезы страданий любви, как свет, горячи.

Шмель-амур!
с арбалетом желаний
и жаждой настичь... —
как внезапно
выходит он из укрытий!

И как откликается сердце!,
терзая невинных,
когда он крадётся в цветах,
поёт голосами,
зовёт и смеётся.

Прочь! — учат ему отвечать —
прочь... отвратный!.. —
сквозь шёпот души: «о, приди же!
ужаль-ужасни,
сломай перегородки бесцветного
не-говорящего...»

38. От тебя – я благословляю себя...

От тебя – я благословляю себя.
Молчаливой раной. Деревьями и урожаем.
Розой и лилией.
Самым необходимым.

Я вижу твою низко склонённую голову,
где остановился страшный сон среди седины.
Я благословляю её печаль.
Блеск волос выглядит слезами.

Я узнаю счастливо уцелевшую чистоту.
Тебя. Я люблю тебя.
Я любила только тебя.

Время меня приветствует.

□ □ □

На что я похож:
на размашистый дождь?
на шелест страницы, на рыхлый
собор
муравейника чувств?

или на слово —
простое, как маргаритка,
о жажде слиться с другим,

стать для него мелодией,
летающей в вечерние окна,
трепетом листвы
на всём протяжении мира...

Блуждаю всю жизнь
в прозрачных сходствах порхающих солнц,

и срываюсь в улыбку
навстречу утренней нежности губ,
проходящей в меня
сквозь таянье
снов.

39. В тихом поле

В тихом поле быть стреноженным свободой...

Кривые усики китайской повилики
сжаты в кулаке человека, избалованного природой!

Но если я скажу тебе
о низко спустившемся тёмно зелёном плюще,
о спокойном распускании ипомеи и
о бесшумном горении факела граната...

Они сдержали рыдание, дрожащее зыбью в груди —

▣▣▣

Тетрадный лист:

в верхних углах по солнцу —
жёлтое и красное —
мир моего брата...

У меня на целое солнце меньше:
и если одно спрячется,
я не смогу убежать
к другому —
поэтому надо мной
птицы
сумрачных лет.

А что брат —
он рисует мне жёлтое
на повисшем холсте дождя

40. Любовь нигилиста

Полюбить то, что опустошило?
Ночные звёзды. Рассвет, медленно появившийся
под долгое карканье птицы.
Моё сердце вместе с ними ударяется в скалы.
Или терпение семян в глубине земли, труд ветра
перевозить горы,
аккуратно трогательно, ласково.
Все эти усилия бросаются в глаза.

– В самом деле, останется Любовь,
когда перестанем мечтать об обладании.

□ □ □

Так часто — теряешь ключи,
перед дверью стучишь по карманам,
а там только смятые страны
страниц...

Так часто,
где сердце — стучится прибой,
хронометр волн, бросающий тину времени в камни.

Бесконечные вещи в руках происходят
и длятся всю жизнь,

а ты без ключей всё стоишь перед дверью,
и если открыть её, то не поймёшь —

дверь открылась наружу из комнат телесного к ветру,
или с улицы входишь, где за спиной
остаётся весь мир...

41. Не будет раннего утра...

Не будет раннего утра. Не будет завтрашнего дня.
Эти слова не позволяют отчаиваться.

Но нельзя ни плакать, ни смеяться.
Просто смотреть на что-то —

на старый стол или потолок, вплоть —
до возрождения мира, в котором всё ещё жив человек.

Письмена глубоко вспашут землю и раскроют ледяное поле.
Семена способны согреть реку.

Ты увидишь моё сердце
в безмятежной печали.

▣▣▣

Блик-небес,
человек!
ты занесишь в миры
эту грусть — эту радость,
изморозь тела — жар этот вечный,
дыхание Сына,
тяжкие клещи страстей,
этот сад по тропинке, пчелу,
что до слёз заблудилась в мерцаниях...

О Господи,
как же болит
во мне эта капля жужжащая радости.—
как? научи! из мест-этих-тёплых-во-мне
уходить...

42. Она увидела...

Она увидела звёзды, золотые пчёлы небес,
далекие и клубящиеся в бесконечности.

За теми звёздами – глубокие небеса.

Она стоит на вершине высоких гор, одинокая,
прозрачная и прохладная,
земля поднялась и подтолкнула её к вершине.

Ветер дует непрерывно,
и вдруг стало вокруг красиво, тихо –
после плача

вслед за мимолетно исчезнувшим силуэтом
старого Кандера.

Седьмая печать

После жизни
столь великой в простых мелочах –
как глобус крыжовника, мера дождя в сентябре,
личинки солнц в одуванчике, пчёлы...
(как сладко всё это чувствовать ежеминутно!) —

вскроются все печати,
отбросится вытканый полог из блёсток разума,
разверзнутся мозаичные полы сотворённого,
лопнут витражи чувств...

и мы не сможем укрыться, как некогда в колыбелях,
чужими ладонями...

44. *Поговорите со мной о нём*

Луна скрылась. Над лесами высоких зданий
блестит одна звезда, одиноко блестит.

Цветы на балконе ещё не цветут, книга теней потушит лампу.
Он крепко спит во всех секретах, но в них я люблю его.

Это то же желание трав и небес. Поэтому месяц май
поднимает пшеничные волны,
серебристый тополь обнимает ветерок.

Земля. Леса. Море непрерывно бушует волнами.
Дети мечтают. Сладкие сны. Ночь тиха.

И у меня были такие сны.
в сиянии звезд таятся глубокие раздумья
« в глубине пустыни скрыт колодец».

О, ветер, чистый свет луны, ты, бесконечное ночное небо.
Поговорите со мной о нём и сделайте
моё счастливое сердце ароматным и прохладным.

Карнизов воркованье — ворожба
дождя и голубя,

на окнах расклеены картинки сада,

и дверь, как переплёт, откладывается:
листая посещения утрат-находок,
я понимаю,
что никогда нам их не избежать!

Но где свободней
от зова берегов,
осколком чувств
прочерченных по сердцу,

от ветхого желанья не умирать —
как в тьму ступать ребёнком,
сжимающим от страха
руку уводящего...

45. Грустная ветка

Красота. Ты сама не знаешь себя.

Окна слов не замуровывай цементом.

Это скульптура:
половина дня затвердела в твоих мокрых руках,
стирающих одежду для детей.

Это является свидетельством.

В доме столько вещей
будто их приносили разные люди —
кто-то был важен себе или весел
или всегда не у дел.
Я знал их? или забыл? или сам сотворил
этот хаос...

Но как мне без них! —
разноцветные зонтики, груды ботинок,
заколки, упавшие тихо...
ступени лестниц, нацеленных в стеллажи облаков,
обросшие книгами стены,
ракушки и камни со всех островов, где я мог бы любить
встретить утро за кофе, картины на гнутых гвоздях,
переулки на кухню к воспетому мёду, двери храмов,
корзины с плодами из сада, где кто-то меня посадил у скамьи
и пропел по-пчелиному. Всюду обрывки бумаг
будто был распакован весь мир в день подарков ребенку...

Обрывки...
их подбираю-танцую, читая несвязные фразы
и озираясь в вихре веселом
хаоса чувств...

46. *Счастье*

В одном шаге от меня ты говоришь,
медленно идем. Я закрыла глаза...

В безграничной волости твоего голоса
сверкает осень, поют зеленые песни кузнечики,
на тропинке поспешно пролетает серая бабочка,
и всё, что встаёт передо мною на земле, мне симпатично:

Большая река
без волнений в вечном спокойствии —
это живое
будет всегда в этом мире.

Вслушаться в голос,
что флейтой в тебе поселился —
в катакомбах беспамятства —

там брошен искрящийся факел озарений —
костры лепестков в водах сердца —
путь к лотосу в хрупкой джонке сознания —

нежность и гнев творцов —
все начала —
в одном гиацинте...

47. Исчезновение

Исчезновение.
Дальше смерти, но ближе объятий.
Я принимаю наследство, твою награду:
молчание.

Ты дал, я - приняла.

В тишине этой лжи я обладаю бесконечным временем
и звездами в обширном ночном небе.

Твоё тело золотисто мигает по всему пространству.
Твои золотые губы. Золото!

Пшеничное поле сгорает каждый год
на крыше моей судьбы.

▣▣▣

Слепки времени (лица!),
в которых нам ссужено быть —
рисунки,
в которых линии грубо
сползают со лба по щекам...

И я замираю среди безупречных зеркал:

я вижу в них быстро взрослеющий холст
с изображением юноши...

И нет силы вырвать себя
из сплетённых нитей холста —

сбросить с лица, освобождаясь
от тончайших наслоений,
зеркало Времени.

48. Нежный пепел

Нежный пепел,
Безропотное увядание лепестков...

Шелестящее молчание серебристого тополя.
Дрожащий от холода крестьянин едет
на ослиной упряжке и покачивается на дороге.

О, прощание, улыбка бледных губ,
все глаза в слезах!

Иней на тонких ветвях, сгоревшая солома,
брошенный пересохшем колодец.
После пожара камень твердо удерживается на ветру,

– Вот он. Вечный свет от вечной любви
к темноте!

Тающий снег в Фонтенбло,
Марсельский залив, темно-синий.
Дома у дороги за каменной изгородью —

я вижу это так живо,
точно Сезанн надел меня фартуком,
и, пробуя в воздухе цвет, краску тёплой глади залива
оставил на мне, как и желтые стены,
и воздух...

Что фартук, что холст — мы оба храним на себе
тающий снег и песчинки,
и пыль от дороги
на сердце...

50. Печаль

Не улыбайся мне:
все мои так называемые Добродетели
когда-то касались грехов.

Где-то...

Сердце выросло.
И если его перетереть в стихи —
оно не вместится
в старую тетрадь...

И если раньше
оно бродило в огромных тенистых мечтах,
то теперь мечты теснятся
внутри его...

Но где-то снаружи
всё ещё бегают с разбитыми коленками
детское эхо:
«мама,
ты будешь жить тысячу лет?...»

51. Дикий подсолнечник

Осенью дикому подсолнечнику
отрежут голову.
Проходившие мимо люди теперь вернутся к нему.
Небо в сумерках. Твоё лицо превращается в золотой дым,
вместе с закатом и со всем бесконечным летом.

Что там за краем? за цветками гречихи?
Покрытые грустью старые вещи,
за кого же я умерла ещё раз?

Нереальный дикий подсолнечник.
Нереальное пение осеннего ветра,
ядовитая колючка, больно уколывшая мою грудь.

□ □ □

Вслушиваюсь в оркестровку:
вот скрипка:
лес полон капканов —
лиса пробирается как балерина.

А здесь на поляне свирель —
вспорхнули губы,
как бабочки, целующие воздух.

Мне нужны чистые формы —
маленькая жизнь травы,
пробежка выпы с кивками,
будто штопает поле невидимой ниткой —
это кларнет.

Постепенно окрестности слуха
заполняет предчувствие —
сейчас!
проснутся мягкими звуками клавиш
в уголках твоих губ
нежные маргаритки...

52. Причина всего

Мои отношения, в конечном счете,
от человеческих губ, что когда-то
были напоены каплей мёда
из глубины улья —

не из цветка
и не из звездного неба.

Если бы они не были мне Родственными,
они не были бы похожи на меня.

□ □ □

Едва только свет задрожит —
как птица вспорхнёт, в нём осветлённая,
и в лёгких верхушках
каплей чистой откликнется.

Дуновенье промчится с цветка на цветок,
качнув ароматные чаши.

И я обниму тебя в свежести утра,
встречая озябшую
у самой границы
вотчины снов...

53. Сны, сны...

Я ослабила руки, чтобы крепче удержать тебя,
и закрыла дверь, чтобы ты вошел.

Ты давно получил
тишину в моём теле.

Я боюсь... Уставившись друг на друга,
искажаться... уменьшаться...

□ □ □

Не знаю, есть ли священная прачка,
способная смыть эту ночь
до рассветного блика
и выбрать чутко осколки —

что-то разбилось во мне
и рассыпалось колким бесчувствием,
и впервые я не могу обернуться
на странно-чужое лицо,
уснувшее лицом-возлюбленной...

54. Без заглавия

Я не люблю одежду, но люблю тело.
Или: я люблю душу хлопковой ткани.
Тихо трепетать в биении сердца.

Я хочу и то, и другое: и свет, и пламя.
Моя любовь и кротка, и горда.

Но тут: побежали слова
по одежде и телу.

*"Денег хватает только на кофе и чулки..."
(в кафе, из фразы незнакомки)*

Сестра,
в истёртых одеждах мы чище,
и в обветшалом
мы ближе к ангелам,
мы бестелесней пернатых,
и душам легко разговаривать с небом —

им ветер судеб нипочем,
даже если приносит им стужу...

Души укроются в небе
и будут смотреть
как мимо плывут
раскалённые камни миров,
наши слёзы...

Мы будем бродить из дерева в дерево —
только в лохмотьях
можно пройти в эту музыку...

«Безумцы!» — нам скажут не раз.
Но есть ли в их яблоке разума
косточка смысла!

Безумцы,
разумные чувством,
нагими мы чище,
мы ближе друг к другу
и нам легко
разговаривать сердцем.

55. Истина

Мертвые знают нашу ложь.
Лесные птицы знают утренний ветер.

Плоды знают орошение земли кровью,
Возгласы знают приличие кубка.

Камень в горле означает присутствие души умершего.
Выпей за неё! Зверье нуждается в ней,
как в смазке для своих колёс.

— Щебень истины, которую хотят рассказать зубы.
Мир разрывается в повороте слепой головы.

... оттуда темнота.

Дар памяти —
дар возвращенья! —

в август мальчишества,
где пчёлы, влетая в соцветия,
пробираются к сердцу...

О, здесь они! всё ещё здесь! —
как будто я замер,
всю жизнь наблюдая таинство сбора —

и не было лет о другом, как и зим,
и не было глубже вторженья.

К югу от жизни я замер,
наткнувшись на них у самого сердца,
и затаился,
в себе наблюдая
таинство пчёл —

и всё ещё здесь! ...

56. Листовая почка

Почему не упоминать тебя?

– Я славлю тебя. Позволь тебя восхвалять,
как восхваляют божество.
Ты приходишь с грохотом нежнейшей силы,
а потом тает твёрдый лед.
Это чудо можно так объяснить: в каждой вещи
содержится безграничная вселенная.

Весной 2003 года

Чистые формы

Окончен путь
сырых торжеств и мутного брожения.

Просохло сердце на ветрище бед.

Ещё всё будет! но уже без страха.
Пожары ждут вскормить себя старьём.
И там, где всё кончается — и лето, и объятья,
где судеб жатва разлучит с тобой —
мы были там...

Теперь ясна дорога без конца.
Ещё всё будет — только без начала,
без алчной и нелепой слепоты —

прозрачный день в топазе винограда,
сурьма, добытая из сумерек листвы,
и красный шарф бегущего заката...